

Кузнецов И.

1989 - 1 июля

Соб. рукопись - 1989 - 1 июля - С. 5

• Перед войной появился новый киноартист — Михаил Кузнецов, в фильме «Машенька». Эта картина всех тогда задела, а иных потрясла щемящей правдой нашей близкой судьбы, пронзительностью и нежностью. И этот неведомый прежде трогательный актер оказался вдруг всеобщим любимцем, стал почти в один ряд с тогдашними кумирами: Алейниковым, Андреевым, Бернесом, Крючковым.

Впоследствии, после войны, когда он начал сниматься и в цветных фильмах, выяснилось еще, что у него редкостной синевы глаза. Но вот ведь как случается в искусстве — такой удачи больше уже не было. Не везло — роли хорошей не выпадало, режиссера. Снялся в нескольких средних лентах, а то и в посредственных.

Он немало выступал на эстраде, был по-прежнему популярен, ездил по стране. Я познакомился с ним в связи с тем, что он читал мои стихи и, нужно сказать, хорошо читал, — у него была целая программа. Вид он имел уже не такой, как когда-то, василько-

Эйзенштейн и Крючков 19.

вые глаза его слегка выцвели.

Мы радостно встретились снова лишь через много лет, наверное, за год или полтора до его смерти. Накануне Дня Победы нас пригласили выступить в Министерстве гражданской авиации. Был там еще, помню, космонавт Береговой.

Кузнецов оказался превосходным рассказчиком. Однако по порядку. Когда началась война, он собрался идти в армию, но его вызвали на студию и сказали, что на него есть бронь, и требуется ехать в Казахстан, выпускать нужные фронту и тылу фильмы. Он поехал. Во главе отправляющихся стоял Эйзенштейн, тогда уже классик с мировым именем и непререкаемым авторитетом, автор «Броненосца «Потемкин». Потом, как известно, он сделал фильм «Иван Грозный», не понравившийся Сталину. Эйзенштейн картину переделал, и вождь, кривясь, принял ее. Тогда многие по-

правляли свои кровные вещи по державному указанию.

Большинство полагало или делало вид, что так и следует. Но не все!

В «Одном дне Ивана Денисовича» описывается, как герой приносит в контору, своему соседу по нарам, кашу:

«Цезарь трубку курит, у стола своего развалюсь. К Шухову он спиной, не видит.

А против него сидит X-123, двадцатилетник, каторжанин по приговору, жилистый старик. Кашу ест.

— Нет, батенька, — мягко этак, попуская, говорит Цезарь, — объективность требует признать, что Эйзенштейн гениален. «Иоанн Грозный» — разве это не гениально? Пляска опричников с личиной! Сцена в соборе!

— Кривлянье! — ложку перед ротом задержал, сердится X-123. — Так много искусства, что уже и не искусство. Перец и мак вместо хлеба насущного! И потом же гнуснейшая поли-

тическая идея — оправдание единоличной тирании. Глумление над памятью трех поколений русской интеллигенции! (Кашу ест ртом бесчувственным, она ему не впрок).

— Но какую трактовку пропустили бы иначе?..

— Ах, пропустили бы?! Так не говорите, что гений! Скажите, что подхалим, заказ собачий выполнял. Гении не подгоняют трактовку под вкус тиранов!..»

Но это когда еще будет! Однако — где!

В искусстве гениями порою объявляют за чисто художественные, изобразительные достоинства, которые важны невероятно, без них ничего нет, — но ведь есть еще и другое. Прежде всего в общественных коллизиях.

А как новатор в кино, основоположник направления Эйзенштейн, разумеется, остается на своем месте.

Так вот, продолжает Кузнецов, прибыли в Алма-Ату. При-